

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ИЮНЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1848 ГОДА В ПАРИЖЕ

А. И. Молок

Июньское восстание парижских рабочих — это крупнейшее событие революции 1848 г. во Франции и Европе, первая в мировой истории попытка пролетарской революции¹ — до сих пор ещё в полной мере не изучено исторической наукой.

Несмотря на то, что во Франции существует специальное «Общество истории революции 1848 г.», основанное ещё в 1904 г., французские буржуазные историки (как и буржуазные историки других стран) не дали, по сути дела, ни одного исследования по этому вопросу. Они сознательно игнорируют это восстание, умаляют его историческое значение, видят в нём лишь случайный и мелкий эпизод. Тощая брошюра Шарля Шмидта «Национальные мастерские на июньских баррикадах 1848 г.»² — вот и всё, чем откликнулись в 1948 г. французские буржуазные историки на столетие этого знаменательного события. Документы по истории июньского восстания до сих пор в значительной своей части ещё не извлечены из архивов, не изданы, не подвергнуты изучению. Интерес к этой теме проявляют во Франции только историки-марксисты. Один из них, Эмиль Терсан, опубликовал в 1948 г. статью³, в которой выступил против буржуазных фальсификаторов этого события и по-новому поставил ряд проблем, связанных с его историей⁴.

Советские историки, опираясь на гениальные труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина и используя доступные исторические источники, стремятся воссоздать возможно более отчётливую картину великой революционной битвы французского пролетариата, разыгравшейся свыше ста лет тому назад на улицах Парижа.

Цель данной статьи — осветить на основе нового документального материала (большая часть его до сих пор не издана) некоторые важные проблемы истории и предистории июньского восстания, помочь читателям

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 23; В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 283.

² Ch. Schmidt. Les ateliers nationaux sur les barricades de juin de 1848. Paris. 1948.

³ E. Tersan. Juin 48. «La Pensée» № 19, 1948, p. 16—24.

⁴ В другой статье, опубликованной в 1949 г. («1848 et les révolutions du XIX-e siècle». Т. XXXIX, № 182, p. 42—43, mars 1949 г.), Э. Терсан разоблачает фальсификаторские утверждения фашиста Ж. Колло, который в брошюре о гибели архиепископа Аффра, изданной в 1948 г., возлагал ответственность за его смерть на июньских инсургентов, тогда как в действительности Аффр был убит в провокационных целях одним из солдат армии Кавеньяка. В этой же статье Терсан разоблачает другую клеветническую брошюру Колло — «Коммунистический заговор в июне 1848 года», вышедшую в 1941 г., в момент вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Уже одно название этой брошюры свидетельствует о её фальсификаторском характере и реакционном духе. В своём предисловии к этой брошюре ярый монархист и клерикал герцог де ла Форс не только обвиняет революционных рабочих Парижа в гибели архиепископа Аффра, но и возлагает на них ответственность за нашествие германских войск на Францию в 1870, 1914 и 1940 годах. Вот до каких диких нелепостей и чудовищных извращений доходят реакционные борзописцы нашего времени, ослеплённые бешеной ненавистью к демократии и рабочему классу!

расширить и уточнить свои представления об этом крупном историческом событии. Общий очерк этого восстания дан в вышедшем недавно большом коллективном труде Института истории АН СССР «Революции 1848—1849»⁵. В предлагаемой статье более детально разбираются некоторые вопросы этой же темы.

Особенность приводимых здесь документов заключается в том, что подавляющая часть их исходит из лагеря, враждебного июньскому восстанию. Тем не менее документы и такого происхождения содержат иногда интересные фактические данные. Наряду с этим здесь приводятся и документы, исходящие из революционного лагеря (к сожалению, их сохранилось немного). Они представляют, разумеется, особую ценность.

Первый вопрос, который возникает перед исследователем июньского восстания,— это вопрос об экономическом состоянии Франции и о материальном положении её трудящихся масс накануне восстания 23—26 июня 1848 года. Исчерпывающий ответ на этот вопрос до сих пор не дан в исторической литературе, хотя в ней имеется немало сведений об экономическом кризисе 1847—1848 гг., о свёртывании промышленного производства, о разорении мелких предпринимателей, о безработице и нищете рабочего класса. Ни один историк ещё не дал себе труда изучить всю сумму данных, собранных по всей Франции при обследовании состояния промышленности и сельского хозяйства (обследование это было проведено на основе декрета Учредительного собрания от 25 мая 1848 г. и коснулось 2 600 кантонов из общего количества 2 847)⁶. Не учтены и многие другие важные источники, относящиеся к этой теме (даже по одному лишь Парижу).

В неизданных бумагах следственной комиссии Учредительного собрания по делу о выступлении 15 мая и об июньском восстании 1848 г., хранящихся в парижском Национальном архиве, имеется ряд данных, проливающих свет на вопрос о положении трудящихся летом 1848 года. Автор анонимного письма, адресованного члену следственной комиссии депутату де Бомону, утверждает, что «в Париже три четверти рабочих и мелких ремесленников, работающих на дому, испытывают нужду в трёх главных условиях здоровья и благополучия», что им недостаёт «воды, воздуха и света в подобающих количествах». «Обойдите бедные кварталы, и вы убедитесь, что их население не может не вырождаться»,— говорится в том же документе, рисуящем «отталкивающий вид» рабочих жилищ, их «сырые, тёмные, скользкие лестницы», их «грязные и вонючие комнаты»⁷.

Нет никаких оснований считать, что автор письма сгущает краски. Это — типичное описание условий жизни рабочих и мелких ремесленников Франции в 30-х и 40-х годах XIX в., в период продолжавшейся промышленной революции. Письмо датировано 30 июня — 13 июля 1848 г., то есть написано под свежим впечатлением июньского восстания. Автор этого письма — реакционно настроенный очевидец — не скрывает своего враждебного отношения к революционному движению, но вместе с тем вынужден признать, что тяжёлое материальное положение трудящихся масс толкает их на путь революционной борьбы.

А вот другой характерный документ, датированный 13 июня 1848 г., — письмо директора национальных мастерских инженера Лаланна министру общественных работ Трела. Письмо это (некоторые выдержки из него уже приводились в нашей литературе) даёт яркое представление о бедственном положении парижских рабочих накануне июньского восстания и об острой тревоге, которую испытывали в этот момент представители власти,

⁵ «Революции 1848—1849». Т. I, стр. 521—550. М. 1952.

⁶ Ж. Ренар. Республика 1848 г., стр. 351. СПб. 1907. Перевод с французского.

⁷ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. Commission d'enquête. 3395. Paris, 30 juin, 1848. Monsieur de Beaumont (Somme).

опасавшиеся, что безработица, голод и нищета могут привести к серьёзным социальным потрясениям.

«400 тыс. франков, которые вы предоставили в моё распоряжение на вчерашний и сегодняшний день, почти исчерпаны, — так начинается своё письмо Лаланн. — Мне необходим новый кредит на завтрашний день, и если он не будет сегодня же утверждён Собранием, что станет со 105 тыс. человек, которые требуют хлеба? Положение представляется мне ужасным... Один из помощников мэра 8-го округа сообщает мне, что более 5—6 тысяч рабочих этого округа уже давно сидят без работы, они более несчастны, чем большинство тех, кого зачислили в своё время. Они просят хлеба, так как у них его нет, и я вынужден отказывать им в зачислении на работу. Несколько тысяч других граждан, из 12-го округа, находятся совершенно в таком же положении. Я только что принял 60 из них... Эти 60 человек ещё ничего не ели сегодня и не знают, будет ли у них что поесть вечером, а ведь у многих из них имеются жёны и дети!.. Неужели нам суждено увидеть Францию погрязшей в нищете, подобной ирландской! Нищета усиливается с каждым днём и грозит всё затопить. Необходимо воздвигнуть какую-нибудь плотину и сделать это, не теряя ни минуты, если вы не хотите, чтобы всё общество погибло из-за этого...»⁸.

Последние слова этого письма, да и всё письмо, отражают сильнейший страх перед возможностью новых революционных волнений в Париже, опасения, что меры, направленные на свёртывание национальных мастерских, могут привести к взрыву рабочего восстания.

Тяжёлые лишения, которые испытывали в то время трудящиеся Парижа, в частности в Сент-Антуанском предместье, отмечал и мэр 8-го округа Ришар в своих показаниях перед следственной комиссией Учредительного собрания, данных 17 июля. Он вынужден был признать, что рабочие этого предместья умирают с голоду, что они сидят без работы, что особенно велика нужда среди мебельщиков, которых насчитывается в предместье 18 тысяч⁹.

Демократические газеты сообщали о случаях самоубийства среди рабочих на почве голода и безработицы¹⁰.

На основании этих и подобных показаний, в изобилии встречающихся в исторических документах (как печатных, так и неизданных), я пришёл в своё время (в 1928 г.) к заключению, что летом 1848 г. наблюдалась, пожалуй, наиболее острая фаза в развитии экономического кризиса, начавшегося осенью 1847 года. Теперь мне ясно, что я переоценил значение таких документов, как петиции торговых палат, которые, добиваясь повышения протекционистских пошлин и вывозных премий, а также отмены декрета о сокращении рабочего дня, намеренно преувеличивали затруднительное положение торговли и промышленности. Излишнее доверие оказал я и свидетельству некоторых монархических газет, сознательно сгущавших краски, чтобы представить республиканский режим ответственным за экономический кризис.

Более тщательное изучение документального материала (в частности, протоколов Комитета труда Учредительного собрания и протоколов заседаний самого этого Собрания) убедило меня в том, что летом 1848 г. (а может быть, и немного раньше) в развитии экономического кризиса намечился перелом в сторону некоторого его ослабления¹¹. Факты и до-

⁸ Archives nationales. C 933. Dossier II. Commission d'enquête, 2224. Paris, le 13 juin 1848. Ministère des travaux publics. Ateliers nationaux. L'ingénieur des ponts et chaussées. Directeur des ateliers nationaux L. Lalanne.

⁹ «Rapport de la Commission d'enquête sur l'insurrection qui a éclaté dans la journée du 23 juin et sur les événements du 15 mai». T. I, p. 342. Paris. 1848.

¹⁰ «La Réforme» от 6 июня 1848 г.; «La Révolution de 1848» от 7 июня 1848 года.
¹¹ Пюфрект департамента Сены в неизданном письме к министру внутренних дел от 31 августа 1848 г., составленном на основе отчётов окружных мэров, отмечал, что экономический кризис в столице постепенно смягчается, что перелом к лучшему уже наступил (Archives nationales F¹² 2446).

кументы, имеющиеся в распоряжении историков, доказывают, что частные предприниматели, добиваясь роспуска национальных мастерских, стремились использовать улучшение экономической конъюнктуры для расширения своего производства и вместе с тем для снижения заработной платы (или хотя бы сохранения её на прежнем низком уровне). Но существование национальных мастерских несколько ограничивало возможность усиления эксплуатации рабочих, занятых в частных предприятиях¹³.

Такова была экономическая основа той кампании против национальных мастерских, которая велась в мае и июне 1848 г. и в Учредительном собрании, и в его Комитете труда, и в контрреволюционной печати. Не учитывая этого обстоятельства, нельзя до конца понять, чьи классовые интересы защищало правительство Второй французской республики, идя на такой провокационный шаг, как роспуск национальных мастерских. Характерно, что особенно настойчиво добивался немедленной ликвидации национальных мастерских Леон Фоше — буржуазный экономист, депутат Учредительного собрания. В качестве директора одной из железнодорожных компаний Фоше резко нападал на законопроект о выкупе государством железных дорог у частных компаний и одновременно полностью поддерживал Фаллу — главного вдохновителя похода против национальных мастерских.

Впрочем, только специальное детальное исследование, которое не входит в задачу данной статьи, позволит в точности установить, каково было состояние французской экономики (в частности, промышленности и торговли Парижа) в момент июньского восстания.

Чтобы понять исторические корни и предпосылки июньского восстания, недостаточно отметить бедственное материальное положение рабочих масс Парижа, тяжело страдавших от последствий острого экономического кризиса, поразившего Францию в 1847—1848 годах. Недостаточно констатировать и влияние кризиса и безработицы на усиление классовой борьбы пролетариата против буржуазии и против правительства буржуазной республики. Необходимо подчеркнуть и активное влияние революционных социалистических идей на передовые слои рабочего класса, их стремление добиться создания такой республики, которая не только дала бы народу политические свободы, но и избавила бы трудящихся от гнёта капитала.

Эта отличительная особенность революции 1848 г. во Франции ясно обнаружилась уже в самом начале её в таких лозунгах, как «Демократическая и социальная республика», «Уничтожение эксплуатации человека человеком». Особенно ярко социалистические стремления передовых слоёв рабочего класса выразил Бланки в составленном им воззвании «К демократическим клубам Парижа», опубликованном 25 марта. Отмечая вопиющие социальные контрасты и жестокую нужду трудящихся, Бланки разоблачал обман народа лозунгами свободы, равенства и братства. «Республика, — писал он, — будет ложью, если она станет только заменой одной формы правительства другою. Недостаточно изменить слова, необходимо изменить положение вещей! Республика — это освобождение рабочих, это конец царства эксплуатации, это наступление нового порядка, который освободит труд от тирании капитала»¹⁴.

¹³ Об этом, например, открыто говорил депутат Севестр на заседании Учредительного собрания 30 мая, жалуясь на то, что рабочие шпильного производства, занятые в национальных мастерских, отказываются вернуться на частные предприятия, несмотря на наличие достаточного количества заказов, и добиваются увеличения заработной платы, которую они получали до февральской революции («*Moniteur universel*» от 31 мая 1848 года).

¹⁴ «Революции 1848—1849». Т. I, стр. 215.

Руководители девяти революционно-пролетарских клубов подписали это воззвание, с помощью которого революционные коммунисты во главе с Бланки и Дезами пытались организовать собственный политический центр под названием «Центральный избирательный комитет» в противовес мелкобуржуазному «Клубу клубов».

Этот документ, формулирующий задачи пролетариата в революции 1848 г., сыграл немалую роль в идейной подготовке июньского восстания.

Важно отметить и то, что мысль о роспуске Учредительного собрания, выдвинутая июньскими повстанцами в качестве одного из основных пунктов их политической программы, зародилась среди революционных клубов рабочих кварталов Парижа ещё в марте 1848 г., то есть задолго до событий 15 мая, когда была предпринята первая попытка разогнать это Собрание. Ещё за три месяца до июньского восстания в ряде пролетарских клубов была высказана мысль, что если Учредительное собрание не оправдает доверия народа и выступит против требований трудящихся, оно должно быть распущено¹⁵. Остаётся добавить, что в середине мая среди некоторых клубов возник проект организации постоянного «Собрания делегатов от клубов» (иначе — «народного конвента»), на которое была возложена задача охранять республиканский строй, выработать и осуществлять социальные реформы в интересах народных масс¹⁶.

Таковы были некоторые передовые общественные идеи, которые выдвигались революционным авангардом французского рабочего класса после февральской революции и которые способствовали подъёму классового самосознания парижского пролетариата, без чего июньское восстание было бы невозможно¹⁷.

Однако наряду с этими идеями, игравшими крупную прогрессивную роль, налицо были и другие идеи, оказывавшие крайне отрицательное влияние на политическое сознание трудящихся. Основная масса французских рабочих ещё верила в 1848 г. в возможность осуществить социальное переустройство мирным путём и старалась «отстаивать свои интересы бок о бок с буржуазными интересами»¹⁸. Мелкобуржуазные «социалисты» типа Луи Блана, как огня боявшиеся революционной борьбы трудящихся против эксплуататоров, всячески поддерживали в массах вредные иллюзии насчёт сотрудничества классов. Иллюзии эти коренились и в незрелости основной массы пролетариата и в особых условиях июльской монархии, когда у власти стояла одна лишь финансовая аристократия, а широкие слои буржуазии находились в оппозиции к правящим кругам, свекорыстная политика которых тормозила экономическое развитие страны.

Чтобы понять, как развивался процесс политической борьбы во Франции со времени февральской революции и как складывалась обстановка, приведшая к июньскому восстанию, необходимо охарактеризовать те изменения в расстановке классовых сил, которые произошли в течение этого периода.

В первые недели существования Второй республики Временное правительство под давлением масс делало некоторые, — впрочем, не очень существенные — уступки требованиям трудящихся. Новое соотношение классовых сил в стране, сложившееся к середине и особенно к концу апреля, позволило окрепшей контрреволюции развернуть открытое наступление против пролетариата и приступить к реализации своего стратегического плана, состоявшего в том, чтобы изолировать революционных рабочих, отнять всё, что они завоевали в февральские дни, разоружить их и обессилить, помешать дальнейшему углублению революции.

¹⁵ «La Voix des clubs» от 23 и 25 марта 1848 года.

¹⁶ «La Commune de Paris» от 13 мая 1848 года.

¹⁷ О том, как эти идеи отразились в программных документах и заявлениях июньских повстанцев, речь будет идти ниже.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 13.

Резкое обострение классовой борьбы ко времени выборов в Учредительное собрание вылилось в некоторых городах в вооружённые схватки между революционными рабочими и правительственными войсками. Руанская бойня, спровоцированная властями 27—28 апреля, явилась репетицией к бойне, подготовлявшейся против парижского пролетариата. Прав был Бланки, который в воззвании, опубликованном 2 мая от имени «Центрального Республиканского общества», предсказывал, что контрреволюция готовит «Варфоломеевскую ночь для рабочих Парижа»¹⁹.

Пять недель, отделяющих народное выступление 15 мая от июньского восстания парижских рабочих, были временем растущего наступления контрреволюции на жизненные права трудящихся и на демократические свободы, завоёванные ими в результате февральской революции. Арест Бланки, Распайля, Барбеса и некоторых других видных революционных деятелей, закрытие ряда передовых клубов, издание сурового закона об уличных сходках, поход против декрета 2 марта о сокращении рабочего дня, подготовка к роспуску национальных мастерских и высылке из Парижа занятых в них рабочих — таковы важнейшие моменты, характеризующие это наступление²⁰.

Два неизданных документа, относящихся к началу июня, дают яркое представление о том, как велик был страх правящих кругов перед трудящимися Парижа. Оба документа касаются одного и того же вопроса — о массовом «народном банкете», намечавшемся на 11 июня, а затем перенесённом на 14 июля.

Этот так и не состоявшийся банкет должен был, по мысли его инициаторов, явиться праздником братания трудящихся и одновременно смотром сил парижской демократии, попыткой объединить её для отпора наступлению контрреволюции. На собрании делегатов от клубов, рабочих корпораций, национальных мастерских, демократических газет и некоторых воинских частей, состоявшемся 10 июня, подчёркивалось, что банкет будет носить характер мирной демонстрации²¹. Мирный характер банкета подчёркивала и газета «Le Père Duchêne», горячо поддерживавшая этот проект²². Но контрреволюционная пресса распространяла провокационные слухи, что банкет задуман с целью революционного переворота²³. Автор неизданного анонимного письма, адресованного 7 июня членам Исполнительной комиссии, утверждал, что истинной целью устроителей банкета является «завладеть Венсенским замком, освободить заговорщиков-анархистов, которые там заключены, с триумфом доставить их в Париж, образовать из них постоянный Комитет общественного спасения в Ратуше, объявить жестокие меры, выдвинутые 15 мая, разогнать биржу, разграбить банк, опустошить государственное казначейство, общезвестные кассы, монетный двор, кабинет медалей, очистить всех банкиров, захватить Национальное собрание, безжалостно истребить всех депутатов, занесённых в составленные для этого списки, поджечь это здание и беспощадно уничтожить всех национальных гвардейцев и военнослужащих, которые попадутся под руку»²⁴.

Испуганное воображение анонимного доносчика рисовало проекты, которые в действительности не существовали в революционных кругах. Однако интересно отметить, что в тот же день (7 июня) префект полиции

¹⁹ S. Wassermann. Les clubs de Barbès et de Blanqui en 1848, p. 149. Paris. 1913.

²⁰ Ясное представление об этом наступлении контрреволюции дают протоколы Исполнительной комиссии, текст которых был издан лишь в 1950 году («Procès-verbaux du Gouvernement provisoire et de la Commission du pouvoir exécutif (24 février — 22 juin 1848)» Paris. 1950. См. рецензию на это издание в журнале «Вопросы истории» № 3 за 1952 год).

²¹ «Le Père Duchêne, gazette de la révolution» от 13—15 июня 1848 года.

²² Там же, от 4—6 июня 1848 года.

²³ «Le Siècle» от 6 июня 1848 года.

²⁴ Archives nationales. BB³⁰ 314, liasse 2, pièce 703. Paris, le 7 juin 1848.

сообщал членам Исполнительной комиссии, что мэр Венсена просит принять меры, чтобы не допустить устройства банкета близ этого форта. Свою просьбу мэр мотивировал тем, что «зачинщики» банкета готовятся завладеть замком и освободить заключённых в нём революционеров; в этом случае, заявлял мэр, трудно будет избежать вооружённого столкновения, следствием которого могут быть волнения в Париже, когда туда будут доставлены трупы убитых демонстрантов²⁵.

Документ этот свидетельствует о том, что власти определённо опасались повторения февральских событий.

Действительно, политическая атмосфера в Париже с каждым днём накалялась всё сильнее. В полицейских донесениях с тревогой отмечалось, что толпы народа собираются каждый вечер в рабочих кварталах, а также в районе Бурбонского дворца, что они резко критикуют политику правительства, грозят расправиться с Учредительным собранием, выражают свои симпатии Распайлю, Бланки, Барбесу. Клеветнические нападки буржуазных газет и реакционных депутатов на рабочих, занятых в национальных мастерских, вызывали решительные протесты трудящихся. Революционные газеты и листовки предостерегали правящие круги, что терпение народа иссякает, требовали отмены закона против уличных сходок и вывода войск, которые усиленно стягивались в Париж, напоминали о том, что конституция 1793 г. освятила право на сопротивление угнетению. «Вы забываете, — писала одна газета, — что мы знаем дорогу, ведущую к баррикадам, и что мы можем восстановить их»²⁶. «Мы — защитники республики, — заявляла газета национальных мастерских, — и ружьё, которое послужило тому, чтобы завоевать её, всегда готово к тому, чтобы защищать её против её врагов, кто бы они ни были»²⁷.

Было бы, однако, ошибочным полагать, что вся масса парижских рабочих была настроена в этот момент так же решительно, как и её авангард, группировавшийся вокруг передовых революционных клубов, некоторых профессиональных союзов, окружных комитетов делегатов национальных мастерских. Среди многих рабочих и ремесленников Парижа ещё не были изжиты мелкобуржуазные иллюзии, ещё держалась наивная вера в добрые намерения правящих кругов, в реальную возможность мирным путём добиться разрешения социального вопроса. Иначе, впрочем, тогда и не могло быть. Незрелость основной массы рабочего класса Франции в условиях ещё незавершившейся промышленной революции, пестрота социального состава национальных мастерских, в которые экономический кризис загнал не только безработных рабочих и служащих, но и часть разорённых мелких предпринимателей, влияние идей мелкобуржуазного «социализма» — всё это в достаточной мере объясняет, почему некоторые группы трудящихся Парижа продолжали возлагать надежды на Учредительное собрание и Исполнительную комиссию.

Ярким свидетельством живучести таких настроений является неизданное письмо рабочего национальных мастерских Мартена, адресованное 30 мая членам Исполнительной комиссии. Автор письма с тревогой отмечает напряжённое положение, в котором находится страна, обострение политической обстановки, вызванное наступлением контрреволюции, нищету трудящихся масс и неразрешённость социального вопроса. «Таков лабиринт, из которого всё же надо выйти, — пишет он, — чтобы избежать гражданской войны, почти неминуемой». «Чтобы спасти Францию и свободу», доказывает Мартен, правительство должно опираться на «класс, который страдает», так как он «самый храбрый и самый многочисленный»; «класс, который не страдает, никогда (даже с помощью армии),

²⁵ Archives nationales. C 933. Dossier II. 2021. Cabinet du Préfet de police, Paris, le 7 juin 1848. Aux citoyens, membres de la Commission du pouvoir exécutif.

²⁶ «Le Travailleur par la Mère Duchêne» от 22—24 июня 1848 года.

²⁷ «Journal démocratique et officiel des ateliers nationaux» № 1 от 22—24 июня 1848 года.

не победит его». Дюпен, Леон Фоше и другие приверженцы бывшей монархии советуют правительству распустить национальные мастерские и насильственно удалить из столицы занятых в них рабочих. «Если реакция,— замечает по этому поводу Мартен,— боится рабочих, то эти последние крайне недоверчиво относятся к реакционерам и считают, что высылка, которую готовят для рабочих, является для реакционеров лишь предлогом к тому, чтобы остаться хозяевами положения, осуществить торжество контрреволюции и, может быть, навязать Франции монархию».

Разоблачая тайные замыслы контрреволюционного лагеря, Мартен подчёркивает, что пролетарии измучены жестокой эксплуатацией и жаждут переустройства общества. Предчувствием надвигающейся кровавой схватки полны слова Мартена о том, что «отказаться от решения социального вопроса — значит превратить овец в волков», значит вывести из себя рабочих, которые, несмотря на нищету, держались так спокойно с 24 февраля, значит «вызвать борьбу между буржуазией и пролетариатом».

Конец письма свидетельствует о том, что, несмотря на данный им верный анализ сложившейся обстановки, Мартен остаётся в плену мелкобуржуазных иллюзий и наивно верит в «благородство» и «патриотизм» членов Исполнительной комиссии, в то, что они серьёзно хотят «осуществить святой девиз братства», хотят, «чтобы все граждане заняли равное место на празднике цивилизации». Предостерегая членов правительства против происков контрреволюции, добывающейся насильственных мер и провоцирующей кровопролитное столкновение, автор письма упускает из виду, что Исполнительная комиссия сама являлась оплотом контрреволюции, проводником антинародной политики. «Осуществить слияние партий, потушить гражданские раздоры, превратить всех французов в единый народ братьев, любящих друг друга и помогающих друг другу, одни своими капиталами, другие — своим трудом»²⁸ — вот к чему призывал рабочий Мартен правителей буржуазной республики. А они как раз в этот момент усиленно готовились к тому, чтобы спровоцировать рабочих Парижа на восстание, разоружить их и обескровить!

Предчувствие надвигающейся кровавой схватки и упование на «мудрость» правящих кругов владели в этот момент не одним только автором данного письма.

Документы, имеющиеся в распоряжении историка, доказывают, что если не считать некоторой части «делегатов» и «бригадиров» национальных мастерских, а также некоторых секций «Общества прав человека» и отдельных революционных клубов, ушедших в подполье и готовившихся к столкновению, — организованной подготовки к вооружённому восстанию среди парижских рабочих не велось. В этом убеждает и неизданный обзор деятельности клубов, представленный правительству префектом полиции (на основе донесений его агентов) 22 июня. Из этого документа видно, что на заседаниях «Клуба народа», «Клуба прав человека», «Клуба 2 марта» царил в эти дни сильное возбуждение, выражалось возмущение по поводу мер, принятых против национальных мастерских, по поводу речей некоторых депутатов, по поводу проекта конституции, говорилось о необходимости объединения всех клубов²⁹. Но никаких указаний на подготовку к вооружённому восстанию не содержалось и в этом документе.

Одной из особенностей социально-политической обстановки во Франции, в частности в Париже, накануне июньского восстания была изолированность рабочего класса. Буржуазные контрреволюционеры своей бе-

²⁸ Archives nationales. BB³⁰ 313, liasse 2, pièce 449. Paris, 30 mai 1848. Aux citoyens Représentants composant la Commission du pouvoir exécutif. Martin ouvrier des ateliers nationaux.

²⁹ Archives nationales. C 933. Dossier II. 2520. Cabinet du Préfet de police. Paris, le 22 juin 1848. Résumé des clubs.

шеной антикоммунистической пропагандой добились того, что восстали против него мелкую буржуазию и крестьянство, озлобленных финансовой политикой Временного правительства, особенно добавочным налогом в 45 сантимов, который был введён в марте 1848 года. Это ясно обнаружилось во время выборов в Учредительное собрание, на которых Бланки, Дезами, Распайль потерпели поражение. Даже наиболее левые органы мелкобуржуазной печати выступали в это время против коммунистов. Характерно, что редакция газеты «Le Père Duchêne», поставившая Бланки во главе своего списка кандидатов на дополнительных выборах в Учредительное собрание (они состоялись 4 июня), вычеркнула его имя из окончательного списка, который был опубликован в газете перед самими выборами³⁰.

Среди неизданных документов «коллекции Лиезвилля», хранящейся в Исторической библиотеке Парижа, имеется одно интересное письмо, которое показывает, как отнеслись к этому поступку редакции названной газеты трудящиеся Парижа. Автор этого неизданного письма, датированного 2 июня, некая Гетье, урождённая Виржини Кука, — повидимому, женщина из народа. «Почему,— спрашивает она редактора «Le Père Duchêne»,— удалили вы (из списка кандидатов.— А. М.) имя Бланки, не потому ли, что на него злобно клеветают люди, которые называют себя республиканцами, но которые, без сомнения, заблуждаются, если только они не заинтересованы в том, чтобы оставаться заблуждающимися... В его жизни и в его поведении я не вижу ничего такого, что могло бы оправдать злобную клевету, которою грязнят его личность, и я не нахожу ничего такого, что могло бы оправдать столь легкомысленное поведение, как поведение «Пер-Дюшена» в отношении Огюста Бланки»³¹.

Клеветническая кампания против выдающегося революционера, о которой с негодованием пишет эта простая женщина, началась ещё 31 марта, когда в буржуазной печати появилась фальшивка (известная под названием «документ Ташеро»), обвинявшая Бланки в том, что он, будучи арестован в 1839 г. королевской полицией, выдал ей будто бы всю организацию тайного «Общества времён года». Эта подлая клевета была пущена в ход для того, чтобы опорочить Бланки, чтобы подорвать влияние этого революционного деятеля, которого более всего страшились контрреволюционеры, и внести раскол в демократический лагерь.

В бумагах той же коллекции имеется записка заведующего редакцией социалистической газеты «Le Tocsin des travailleurs» заведующему редакцией газеты «Le Père Duchêne», датированная 8 июня. Автор записки предлагает организовать «братский обмен» номерами этих газет. «Мы пользуемся случаем,— добавляет представитель «Le Tocsin des travailleurs»,— чтобы выразить вам чувство живой симпатии»³².

Значение этой коротенькой записки состоит в том, что она является одним из свидетельств попытки объединить силы рабочего класса и мелкой буржуазии для совместной борьбы с наступавшей контрреволюцией.

Весьма характерно в этом отношении неизданное письмо некоего Котара-младшего, шляпочника-вязальщика с улицы Планд-Мибрэ, адресованное 7 июня редактору всё той же газеты «Le Père Duchêne» (адвокату и публицисту Кольфаврю). Автор этого письма с тревогой отмечает наличие «внутренних раздоров... между двумя классами, которые всегда были жертвами и которые нуждаются в единении, чтобы защищать свои общие интересы,— между рабочим и лавочником». «Кто в 1848 году страдает больше всех? — спрашивает Котар и отвечает: — Рабочий, который нуждается во всём, лавочник, который ежедневно теряет всё, что имеет и чего

³⁰ «Le Père Duchêne» № 19 от 30 мая — 1 июня 1848 г.; № 20 от 1 — 4 июня 1848 года.

³¹ Bibliothèque historique de la ville de Paris. Collection Liésville. Révolution de 1848. Journaux. Le Père Duchêne.

³² Там же.

не имеет; рабочему не дают работы, с лавочника берут налог, которого он не может заработать; рабочий страдает от голода, лавочнику угрожает перспектива потерять свою репутацию, истинное достоинство честного человека». С горечью указывает Котар на то, что среди депутатов Учредительного собрания преобладают богатые собственники и крупные землевладельцы, которые ни в чём не нуждаются «и, полные эгоизма, ничего не делают в интересах масс». «Повторяю, пусть рабочий и лавочник, вместо того, чтобы разъединяться, защищают друг друга, пусть они откроют глаза и заключат союз между собою». Этим призывом к единству действий рабочего класса и мелкой буржуазии заканчивает своё письмо Котар. Такое единство, доказывает он, особенно необходимо потому, что враги республики добиваются того, чтобы она обернулась против народа (подобно тому, как это произошло с Первой республикой).

События сложились таким образом, что лишь весной 1849 г., почти через год после кровавого подавления июньского восстания парижских рабочих, возник (да и то лишь на время) тот блок между «рабочим и лавочником», о котором мечтал шляпный мастер Котар-младший.

Вина за то, что такой блок не сложился во Франции в июне 1848 г., лежала на мелкой буржуазии. Её колебания, её страх перед «красным призраком», которым её запугивали буржуазные контрреволюционеры, её стремление к «средней линии», то есть к невозможному, привели к тому, что она побоялась «довериться руководству революционного пролетариата, не понимая, что эта боязнь осуждает ее на доверие к буржуазии», делает её «политически бессильным хвостом буржуазии»³³.

Характерно, что незадолго до июньского восстания газета «La Réforme», являвшаяся в 1848 г. главным органом мелкобуржуазной демократии, поместила статью, в которой пыталась снять ответственность за создавшееся напряжённое политическое положение с правящих кругов и возложить её на рабочих, уговаривая их отказаться от революционных действий в защиту своих классовых интересов, уверяла, что демократическая избирательная система и мирная пропаганда являются наилучшим, и притом единственно допустимым, оружием в борьбе за общественный прогресс³⁴.

«В 1848 г. — указывал Ленин, — дело шло о свержении буржуазии пролетариатом. Последнему не удалось привлечь к себе мелкой буржуазии, и ее измена вызвала поражение революции... Нисходящая линия 1848 г. была формой революции, когда измена пролетариату со стороны массы мелкой буржуазии вызвала поражение революции»³⁵.

Не удалось пролетариату привлечь к себе и крестьянство. «Революция 1848 года во Франции, — подчёркивает И. В. Сталин, — потерпела поражение, между прочим, потому, что она не нашла сочувственного отклика во французском крестьянстве»³⁶.

Документы, как печатные, так и неизданные, содержат большой конкретный материал, свидетельствующий о том, что подавляющее большинство крестьянства отнеслось к июньскому восстанию отрицательно и что многие зажиточные жители деревень приняли участие в походе добровольческих отрядов провинциальной буржуазии, отправившихся в Париж на помощь правительству.

Типичным можно считать доклад главного прокурора судебного округа Риома, писавшего следственной комиссии: «Что касается земледельцев Оверни, недоступных политическим волнениям и углублённых в занятия, связанные с земельной собственностью и с материальными инте-

³³ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 76.

³⁴ «La Réforme» от 30 мая 1848 года. Газета «Le Siècle» — орган умеренного крыла буржуазных республиканцев — одобрительно отнеслась к этой статье и привела выдержки из неё в своём номере от 31 мая 1848 года.

³⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 379.

³⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 343.

ресами, то у них нет иных страстей, кроме ненависти к косвенным налогам и к налогу в 45 сантимов... В этом отношении нет ничего общего между ними и городскими рабочими»³⁷.

Имеющиеся в распоряжении историка документы показывают, что летом 1848 г. недовольство крестьян налоговой политикой буржуазной республики значительно усилилось по сравнению с весной того же года и что это недовольство, не использованное революционными демократами и социалистами в интересах революции, использовали агенты бонапартистской контрреволюционной клики.

Энгельс в своих путевых заметках во время поездки из Парижа в Берн, относящихся к октябрю 1848 г., так характеризует причины враждебного отношения большинства крестьянства к революционным рабочим Парижа в дни июньского восстания: «Что знал упрямый, узколобый крестьянин о пролетариате и буржуазии, о демократически-социальной республике, об организации труда, о вещах, основные условия и причины которых никогда не могли проявиться в тесных пределах его деревни! А когда он в иных местах получил через нечистые каналы буржуазных газет смутное представление о том, вокруг чего шла борьба в Париже, когда буржуа бросили ему великий лозунг против парижских рабочих: *ce sont les partageurs*, это — люди, желающие поделить всякую собственность, всякую землю, какой кто-либо владеет, — тогда усилилось его негодование, и возмущение крестьянина не знало больше границ... «Пусть этот проклятый Париж завтра будет взорван!» — это было еще самое мягкое пожелание»³⁸.

Однако существуют документы, из которых видно, что в некоторых местах среди беднейших слоёв крестьянства наблюдались случаи проявления сочувствия июньским повстанцам. В департаменте Ло, как сообщает префект, мэр одной из коммун округа Кагор читал съехавшимся на ярмарку крестьянам выдержки из газеты «*La Réforme*», сопровождая чтение комментариями, и разъяснял, что «партия инсургентов была партией честных людей», что «истинные патриоты пали жертвами правительства», что «это правительство прекратило своё существование» и что было бы величайшей глупостью платить ему налоги. В том же департаменте, в городе Фижак, некий крестьянин заявил по адресу Кавеньяка: «Он расстреливал народ в Париже, и за это сам будет скоро расстрелян»³⁹. В департаменте Жер известия о парижских событиях вызвали в некоторых сельских коммунах разговоры о том, что «песенка богатых спета»⁴⁰.

Подобные факты, как бы единичны они ни были, говорят о том, что сельская беднота могла при известных условиях поддержать восставших рабочих Парижа. Главный прокурор судебного округа Мец в отчёте, относящемся правда, к несколько более позднему времени (к маю 1850 г.), признал, что там, «где собственность сильно раздроблена, мелкие земледельцы обнаруживают явную тенденцию идти сообща с рабочей массой и отходить от людей, преданных делу порядка»⁴¹.

Но для того, чтобы пролетарская революция получила поддержку крестьянства, нужно было, чтобы французский крестьянин осознал противоположность своих интересов интересам буржуазии и признал в рабочем классе, призванном ниспровергнуть капиталистический строй, своего естественного союзника и вождя. В 1848 г. это оказалось невозможным: рабочий класс Франции, не имея собственной политической партии, не смог преодолеть влияния буржуазии и кулачества на крестьянскую массу, не

³⁷ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. III, p. 183.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 531—532.

³⁹ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. III, p. 66.

⁴⁰ Там же, стр. 124.

⁴¹ J. Tchernoff. Associations et sociétés secrètes sous la deuxième République, 1848—1851, d'après des documents inédits, p. 260. Paris. 1905.

смог привлечь её (эту массу) на свою сторону; в результате крестьянство оказалось резервом буржуазии, а не пролетариата.

То же произошло и в 1871 г. (во время Парижской Коммуны).

Две причины этого явления отмечает И. В. Сталин в статье «Перспективы»:

«1) Буржуазная революция на Западе прошла под руководством буржуазии (пролетариат представлял тогда лишь ломовую силу революции), крестьянство получило там землю и свободу от феодальной кабалы, так сказать, из рук буржуазии, ввиду чего влияние буржуазии на крестьянство считалось уже тогда обеспеченным.

2) От начала буржуазной революции на Западе до первых попыток пролетарской революции прошло более полстолетия, в продолжение которого крестьянство успело выдвинуть мощную и влиятельную в деревне сельскую буржуазию, послужившую соединительным мостом между крестьянством и крупным капиталом города и закрепившую тем самым гегемонию буржуазии над крестьянством»⁴².

Буржуазная историография, стремясь опорочить июньское восстание, создала лживую легенду, будто одной из главных причин, вызвавших это восстание, являлась агитация в пользу Луи Бонапарта, избранного депутатом Учредительного собрания на дополнительных выборах 4 июня. Начало этой легенде положили представители французских правящих кругов ещё в 1848 году. Эту подлую клевету пытался «обосновать» ярый враг демократии и социализма, бывший член Временного правительства и Исполнительной комиссии Гарнье-Пажес в своей книге по истории революции 1848 г., изданной в 1872 году⁴³. Автор специального исследования о бонапартистской пропаганде в 1848 г. Робер Пимента старался доказать, что бонапартисты сыграли большую роль как в подготовке июньского восстания, так и в руководстве им. Пимента признаёт, что в докладе, опубликованном следственной комиссией, почти ничего не говорится о бонапартистах. Но это его не смущает. Удивляться этому, заявляет Пимента, не приходится: ведь докладчик следственной комиссии Кантен-Бошар был бонапартистом; «он тщательно уничтожил все следы бонапартистского заговора». «Я убеждён,— пишет Робер Пимента,— что разбор бумаг следственной комиссии, находящейся в архиве Палаты депутатов, дал бы кучу фактов, которые подтвердили бы и, без сомнения, расширили бы ответственность наполеонистов за это восстание»⁴⁴.

Факты полностью опровергают клеветнические домыслы Робера Пименты. В своё время мне довелось изучить неизданные бумаги следственной комиссии (они хранятся теперь во французском Национальном архиве); в результате просмотра почти четырёх тысяч документов обнаружилось прямо противоположное тому, что утверждал этот буржуазный историк. Среди огромной массы показаний очевидцев, свидетельствующих о преданности парижских рабочих республиканскому строю, об их революционных настроениях, об их социалистических устремлениях, совершенно тонут единичные показания о сочувственных откликах, которые встречала иногда среди неустойчивых и отсталых слоёв трудового люда столыцы бонапартистская агитация.

Разберём эти показания. Вот, например, большая докладная записка, представленная архитектором Тюмелу, рассказывающим о разговорах,

⁴² И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 121.

⁴³ Garnier-Pagès. Histoire de la Révolution de 1848. Т. XI, p. 448. Paris. 1872.

⁴⁴ Robert Pimenta. La propagande bonapartiste en 1848, p. 72. Paris. 1911.

которые велись среди участников уличной сходки в районе площади Бастилии недели за две до восстания. «Там говорилось,— пишет этот свидетель,— о нищете рабочих Сент-Антуанского предместья, о презрении к Исполнительной комиссии и немного о необходимости стать на сторону принца Наполеона-Луи». По словам Тюмелу, некоторые рабочие выражали надежду, что если Луи-Наполеон станет президентом республики, это приведёт к оживлению торговли и промышленности. «Он богат»,— добавляли они. Всё это типичные перепевы бонапартистской пропаганды, рассчитанной на обман и развращение трудящихся. Впрочем, Тюмелу подчёркивает, что «у принца было там весьма мало сторонников, преданных и красноречивых». Тот же очевидец рассказывает, что, ругая членов Исполнительной комиссии и Учредительного собрания, называя их аристократами, обвиняя их в том, что они ничего не делают для облегчения страданий народа, призывая к немедленному вооружённому восстанию, рабочие заявляли: «Надо прогнать их, найти и назначить рабочих, способных управлять нами»⁴⁵. В этих словах уже нет никакого следа бонапартистских настроений.

Не подлежит сомнению, что бонапартистские агенты (а отчасти и легитимистские), расточая демагогические посулы, прибегая к денежным подачкам, старались затесаться в ряды восставших рабочих, что кое-где им это удалось, что эти агенты монархической контрреволюции пытались использовать июньское восстание в собственных, антинародных целях. Но несомненно и то, что в подавляющем большинстве случаев бонапартистские провокаторы терпели полную неудачу в своих попытках заручиться поддержкой повстанцев.

Не только печатные, но и неизданные документы доказывают это с полной очевидностью. Типично донесение префекта полиции об уличных сходках, происходивших 20 июня. «Послышалось,— писал он,— несколько возгласов «Да здравствует Наполеон!», но они не встретили отклика»⁴⁶. Масса интересуется не столько Луи-Наполеоном, сколько совсем другими вещами, доносил 23 июня один агент полиции, побывавший во многих кварталах. «Каждый требует работы,— добавлял он,— и хочет демократической республики (хотя и не кричит об этом)»⁴⁷. Автор анонимного письма, направленного председателю Учредительного собрания, описывая попытку некоего бонапартистского агента подкупить защитников одной баррикады и расположить их в пользу «принца», отмечает, что многие из них решительно отказывались брать деньги и что лишь некоторые кричали: «Да здравствует Наполеон!»⁴⁸. Депутат Лакросс в записке, адресованной, видимо, председателю Учредительного собрания, писал со слов депутата Амбера, вернувшегося из района Ратуши: «Наиболее общей лозунг (повстанцев.— А. М.) — это клич: «Да здравствует социалистическая республика!» Лишь несколько возгласов наполеонистского характера»⁴⁹. Шесть других депутатов, обошедших 25 июня 11-й и 12-й округа Парижа (места недавних боёв), сообщили в своей докладной записке, что они были повсюду встречены единодушными возгласами: «Да здравствует республика! Демократическая республика!»; иной раз, хотя редко, добавлялось и «социалистическая», но всегда и всюду: «Долой претендентов! Претендентов всех мастей!» «Эти возгласы,— подчёркивали депутаты,— были не менее единодушными и в предместье Сен-Марсо, где

⁴⁵ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 3276. De l'insurrection et de ses remèdes. Thumeloup, architecte, professeur à l'École centrale, 6 juillet 1848.

⁴⁶ Там же. C 933. Dossier II. 2401. Cabinet du Prefet de police. Paris, le 21 juin 1848. Onze heures.

⁴⁷ Там же. 2607. Ville de Paris, 23 juin 1848.

⁴⁸ Там же. C 934. Dossier VIII. 3410. Paris, le 5 août 1848. Un combattant de juin 1848 et 1834 en avril.

⁴⁹ Там же. Liasse: Assemblée nationale. 2848. Lacrosse (в записке число не указано, указан только час — 6 ч. 20 м., видимо, она относится к 23 июня).

мы нашли многочисленные толпы рабочих так же, как и во всех других пунктах, в которых мы побывали»⁵⁰.

Так, под натиском неопровержимых фактов и достоверных документов, рушится подлая, клеветническая выдумка буржуазных фальсификаторов истории, пытавшихся очернить «июньскую революцию» парижского пролетариата, представить это героическое рабочее восстание в той или иной мере делом рук наёмников бонапартистской контрреволюционной клики.

Июньское восстание вспыхнуло стихийно, в ответ на провокационные действия правительства⁵¹, приступившего к роспуску национальных мастерских и высылке в провинцию занятых в них рабочих. Из этого, однако, отнюдь не следует, что восстание не имело никакой политической программы и никакого политического руководства, что это был лишь «голодный бунт», как утверждают буржуазные историки, искажая это событие и принижая его значение.

В дополнение к тем документам, которые уже были в своё время опубликованы в нашей литературе, приведём ещё несколько неизданных документов, также доказывающих наличие у восставших парижских рабочих некоторой программы и известной организованности.

Вот, например, текст одного анонимного воззвания, рукопись которого была найдена у типографа Гиллуа в Сент-Антуанском предместье (в доме № 123) бывшим стряпчим Жанделем, проникшим в это помещение в составе роты национальных гвардейцев. Хотя воззвание это не было напечатано и не было вывешено, оно всё же сохраняет своё значение одного из немногих дошедших до нас документов июньского восстания⁵². Приводим полностью этот неизданный исторический документ⁵³:

«Народ!

Как, пушки грохочут, свобода умирает, и враги, рассчитывая на победу, которая им не достанется, осмеливаются называть грабителями... грабителями... людей, которые терпеливо переносили лишения голода, тогда как сытые издевались над их нищетой. Мы должны суметь победить, мы не должны затронуть собственность наших братьев, которых обманывают относительно нас и которые клеветают на нас.

К оружию, граждане, ...к оружию, да здравствует демократическая республика, поднимемся все против тиранов, которые приказывают убивать нас ради своего честолюбия.

Сплотимся, мы победим их».

В этом обращении бросается в глаза призыв не покушаться на частную собственность мелкой буржуазии, вызванный, видимо, стремлением удержать её от участия в борьбе против восстания⁵⁴.

Интересные данные по вопросу о политической и социально-экономической программе июньского восстания содержат два неизданных документа, исходящих из лагеря, враждебного восстанию. Один из этих документов — донесение командира 5-го батальона 4-го легиона национальной гвардии пригородов, некоего Рондо, адресованное Кавеньяку 25 июня в 2½ часа дня⁵⁵. Этот офицер армии «порядка» сообщает о разговоре,

⁵⁰ Там же. С 934. Liasse: Assemblée nationale. 2882, 25 juin 1848. Walferdin, Léon Gérard, David d'Angers, Labrousse, J. de Luppé, Bourbousson.

⁵¹ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 3, стр. 241.

⁵² В той же типографии, по словам Жанделя, была напечатана (в отсутствие её хозяйки) другая революционная прокламация («Rapport de la Commission d'enquête...». Т. I, p. 296—297). По другим сведениям, эта прокламация (её автором был Милон) была расклеена в рукописном виде.

⁵³ Archives nationales. С 934. Dossier VIII. 3166.

⁵⁴ Ср. воззвание, опубликованное в «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. II, p. 290.

⁵⁵ Archives nationales. С 934. Liasse: Ministère de la Guerre, 3039. Copie d'une lettre du citoyen Rondot, chef en 1-er du 5-e bat-on, 4-e légion banlieu. Communication avec les insurgés.

который он имел у заставы Шарантон с «начальником инсургентов» 8-го округа, «весьма интеллигентным человеком» (фамилии его офицер не называет). «Он сказал мне о мотивах своего возмущения, — рассказывает Рондо, — что они хотят демократической и социальной республики. Я потребовал объяснения слова социальная; он отвечал мне, что подразумевает под этим выражением предоставление рабочим права объединяться между собою, по своим способностям, чтобы участвовать в выполнении общественных и частных работ». В этих словах ясно выражена мысль о производственных рабочих ассоциациях, столь популярная тогда среди трудящихся Франции. Добавим, что подобное же требование было выдвинуто в известной прокламации инсургентов 8-го округа, подписанной Ж.-Ж. Гилле⁵⁶.

Другой неизданный документ, позволяющий судить о программе июньского восстания, — это сообщение капитана-следователя Галлуа от 2 июля 1848 г. из г. Ланьи (в департаменте Сены-и-Марны), адресованное председателю следственной комиссии Учредительного собрания. Хвастаясь тем, что он организовал отправку батальонов национальной гвардии из Ланьи в Париж для борьбы с восставшими рабочими, Галлуа рассказывает о том, какие разговоры велись у Тронной заставы, где собирались отряды инсургентов, состоявшие из одетых в блузы людей: «Я прохаживался между группами и слышал, что говорили эти люди, в которых я предполагал наших врагов; (они говорили), что надо драться, чтобы добиться того, что было обещано в клубах, а именно — демократической и социальной республики, которая, в их представлении, означала обобществление всех предприятий, бесплатное образование, непродолжительный труд и хорошую оплату. Очевидно, по крайней мере, на основании этих речей, — добавляет Галлуа, — что восстание вышло из клубов, где этих рабочих уверили в том, что они властители...»⁵⁷.

Рассказ Галлуа о программных требованиях июньских повстанцев заслуживает внимания. В революционно-пролетарских клубах 1848 г. действительно выдвигались требования глубоких политических и социальных преобразований в интересах трудящихся масс. Но социалистическая формулировка «обобществление всех предприятий» встречается, насколько нам известно, только в этом документе. В другом документе, исходящем от очевидца, говорится, что на пропусках, выдававшихся штабом восстания в Сент-Антуанском предместье, стояли слова: «Собственность — это кража, всё должно быть возвращено народу»⁵⁸.

О том, как сильны ещё были тогда среди рабочей массы уравнилельные тенденции, свидетельствуют слова литейщика Додемана, участвовавшего в июньском восстании и арестованного затем в Амьене. В неизданном докладе амьенского прокурора следственной комиссии приводится такое заявление Додемана: «Мы сражались за наше дело, за социалистическую республику, цель которой — снизить состояния и поставить всех в равные условия»⁵⁹.

Документы, которыми располагает историк, доказывают, что июньские повстанцы не имели единой программы социальных и политических требований. Но один лозунг объединял их всех — лозунг «демократической и социальной республики».

Очевидцы событий рассказывают, что на вопрос, как понимают они

⁵⁶ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. II, p. 290.

⁵⁷ Archives nationales. С 934. Dossier VIII. 3178. Gallois, capitaine rapporteur. Lagny, 2 juillet 1848. Monsieur le président de la Commission d'enquête sur l'insurrection.

⁵⁸ Там же. Dossier VIII. 3347. Nogent le Rotrou, 1-er juillet 1848.

⁵⁹ Там же. BB¹⁸ 1465^b. Rapport du procureur général à la Commission d'enquête. Amiens, le 25 juillet 1848.

слова «демократическая и социальная республика», многие пленные инсургенты отвечали: «Это — правительство рабочих»⁶⁰.

Большой интерес представляет неизданное рукописное воззвание, датированное 22 июня и вывешенное в Ботаническом саду. В этом документе, сохранившемся в бумагах следственной комиссии, «члены комитета делегатов национальных мастерских 12-го округа» призывали «своих товарищей рабочих, прежде чем оставить Париж, потребовать от правительства, чтобы их положение было урегулировано, их существование обеспечено». «Нам нужны не обещания, а действия», — добавлял комитет, разоблачая стремления правящих кругов разъединить трудящихся, удалить их из Парижа и отнять у них права, «завоёванные столь дорогой ценой». «Ради чего мы так терпеливо страдали до сих пор, вы это знаете все, — писали члены комитета, — ради укрепления демократической республики. Мужайтесь же ещё несколько дней, но не будем разлучаться, наши самые дорогие интересы были бы подорваны. Терпение и единство».

Так заканчивалось это воззвание, под которым стояли подписи восьми членов комитета делегатов национальных мастерских 12-го округа⁶¹.

Документ этот, исходивший от низовой рабочей организации, служит ярким свидетельством боевого духа революционных рабочих Парижа, их твёрдой решимости дать отпор провокационным планам буржуазной контрреволюции.

Значение этого документа особенно велико потому, что он исходил от рабочих 12-го округа (Пантеона), который в июньские дни являлся одним из главных участков вооружённой борьбы. Префект полиции Труве-Шовель в своём донесении председателю Учредительного собрания, датированном 24 июня, 6½ часов утра, отмечал, ссылаясь на результаты допроса пленных инсургентов и на другие источники, что главными руководителями восстания (или, как он выражался, «заговора») являются делегаты национальных мастерских. «Обычным местом собраний этих делегатов, — подчёркивал префект, — был кабачок «Старого дуба» на улице Муффтар»⁶².

Упомянутая в этом донесении улица Муффтар расположена недалеко от Ботанического сада, в котором за два дня до того было вывешено приведённое нами обращение комитета делегатов национальных мастерских 12-го округа. Что среди делегатов национальных мастерских, собиравшихся, как указывал префект, в кабачке «Старого дуба» на улице Муффтар (в доме № 69), преобладали делегаты 12-го округа, — это не подлежит сомнению. Остаётся добавить, что этот же самый кабачок служил местом постоянных заседаний одной из секций «Общества прав человека»⁶³. Значение этого факта станет ясным, если учесть, что, как подчёркивал в том же донесении префект, среди пленных инсургентов имелось «большое количество членов Общества прав человека» и что тот же кабачок на улице Муффтар упомянут в одном полицейском донесении как место, где руководство «Общества прав человека» на своём заседании 23 июня постановило организовать один из трёх «штабов движения»⁶⁴.

⁶⁰ Цитирую по анонимной брошюре, хранящейся в Исторической библиотеке г. Парижа: «Détails circonstanciés du dévouement admirable d'une noble et courageuse soeur de Charité du 12-e arrondissement qui a sauvé la vie à un capitaine de la garde mobile, fait prisonnier par les insurgés dans les déplorables journées de juin. Nouveaux détails sur les événements de Paris — Chiffre exact des blessés reçus dans les hopitaux de la capitale. — Le nombre des insurgés arrêtés à la suite des affaires de 23, 24, 25 et 26 juin; leur interrogatoire. Leur signe de ralliement; leur plan d'opération, p. 4. Paris. 1848.

⁶¹ Archives nationales. C 933. Dossier II. 2453.

⁶² Там же. 2488. Paris, le 24 juin. 1848, 6 heures et demi. Cabinet du Préfet de police. Au citoyen Président de l'Assemblée nationale.

⁶³ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. II, p. 209.

⁶⁴ Archives nationales. C 933. Dossier II. 2506.

Сопоставляя все эти данные, можно сделать несомненный вывод, что, во-первых, между делегатами национальных мастерских и секциями «Общества прав человека» существовала тесная связь и, во-вторых, что комитет делегатов национальных мастерских 12-го округа сыграл крупную роль в организации и руководстве восстанием в этом районе.

Документы следственной комиссии и отчёты о судебных процессах доказывают, что между революционными штабами, организованными в различных округах Парижа, поддерживалась в дни восстания некоторая связь. Так, например, шляпный мастер Ибрюи, командовавший баррикадами 9-го округа и исполнявший в нём обязанности мэра повстанцев, обратился к руководителю восстания в Сент-Антуанском предместье с письмом следующего содержания:

«Командующий баррикадами на улицах Нонэндьер, Жуи, Шарлемань и Фигье извещает своих товарищей из славного предместья Сент-Антуан, что их дело — это и его дело, дело всех братьев, которые поручили ему представлять их, что он примет их пароль и будет действовать всецело заодно с ними.

Победить или умереть!

Французская республика, демократическая и социальная.

Командующий названными баррикадами Ибрюи»⁶⁵.

Ряд документов свидетельствует о том, что руководители восстания в Сент-Антуанском предместье поддерживали связи с другими районами города. Об этом определённо говорит в неизданном письме на имя одного из депутатов Учредительного собрания очевидец, исполнявший обязанности «связиста» при штабе восставших в этом округе. Этот очевидец рассказывает, что некоторые депеши, написанные на тонкой бумаге, пересылались через женщину, которая, чтобы не быть задержанной, делала огромный крюк; таким же способом доставляла она и ответные депеши⁶⁶.

Документы следственной комиссии рассказывают, что в ночь на 24 июня в район Пантеона, — к посту инсургентов, расположенному в доме № 19 по улице Амандье — Сен-Жак, — явился член бюро «Клуба революции» и заместитель председателя «Клуба народа» Дефлотт в сопровождении своего политического единомышленника инженера Трампилье. Явились ли они по собственному почину или (что более вероятно) по поручению руководителей восстания в Сент-Антуанском предместье, в точности сказать нельзя. По словам лейтенанта национальной гвардии 12-го округа Берло, Трампилье заявил, что, «если квартал Пантеона сможет сопротивляться до трёх часов утра, Сент-Антуанское предместье, по всей видимости, успеет завладеть ратушей, к чему оно стремится, и придет на помощь Пантеону с 30 тысячами человек и 8 пушками, которые оно имеет в своём распоряжении». Берло добавлял, что «Дефлотт одобрял или подтверждал то, что говорил Трампилье»⁶⁷.

Приведённые факты свидетельствуют о наличии в июньском восстании известной организованности⁶⁸. Однако то обстоятельство, что у фран-

⁶⁵ «Procès des insurgés des 23, 24, 25 et 26 juin 1848», p. 108. Paris. 1849.

⁶⁶ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 3347. Nogent le Rotrou, 1-er juillet 1848.

⁶⁷ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. I, p. 158. Ср. неизданную заметку о Дефлотте, приложенную к письму главного прокурора парижской судебной палаты министру юстиции от 13 октября 1848 г. (BB¹⁸ 1474^B plaquette 3, pièce 7 — Note sur Deflotte, lieutenant de vaisseau). Сам Дефлотт в своих показаниях перед следственной комиссией утверждал, что явился в предместье Сен-Марсо без всяких поручений, только для того, чтобы «удостовериться в положении вещей и в настроениях инсургентов» («Rapport de la Commission d'enquête...». Т. I, p. 159).

⁶⁸ Анализ проблемы руководства июньским восстанием — в её целом — не входит в задачу данной статьи. Окончательно эта проблема сможет быть разрешена лишь тогда, когда историки обратятся к изучению хранящихся в Париже, в Историческом архиве военного министерства, неизданных документов военных судов, которые судили июньских повстанцев. Хотя эти документы стали доступны для изучения ещё в 1933 г. (см. заметку в журнале «Revue d'histoire moderne», août-octobre. 1933, p. 395), они до сих пор остаются неиспользованными в исторической литературе.

цузских рабочих не существовало тогда собственной политической партии и что наиболее выдающиеся руководители рабочих и демократов Парижа находились в тюрьме, сделало невозможным создание единого, централизованного руководства восстанием.

Одной из самых видных и самых привлекательных фигур среди руководителей июньского восстания был Луи-Огюст Ракари — рабочий-механик, активный участник революционного движения 30-х и 40-х годов, бывший член тайного коммунистического «Общества работников-эгалитариев».

После февральской революции Ракари стал служащим в национальных мастерских и одновременно лейтенантом 2-й роты 2-го батальона 8-го легиона; после событий 15 мая капитан той же роты Берг, владелец мебельной мастерской, заставил его выйти в отставку⁶⁹. В дни восстания Ракари, по свидетельству одного очевидца, с ружьём наперевес, в кепи лейтенанта «командовал колонной инсургентов, которая ставила своей целью захват ратуши»⁷⁰. В доме № 205 по улице Сент-Антуан, где он тогда проживал, Ракари организовал революционный штаб, на двери которого стояла надпись: «Р е с п у б л и к а н с к и й, д е м о к р а т и ч е с к и й и с о ц и а л ь н ы й п о с т». Руководя постройкой баррикад и вооружённой борьбой на площади Вогезов, Ракари проявил большую энергию. «Нечего спать,— говорил он, подбодряя окружающих,— спят только мёртвые». Он был ранен в бою и вынужден был временно отказаться от командования и лечь в госпиталь⁷¹.

После подавления восстания Ракари был арестован и предан суду, который приговорил его к пожизненным каторжным работам. Суровый приговор не сломил боевого духа этого стойкого революционера. «Будущее принадлежит мне,— заявил он на суде.— Да здравствует демократическая и социальная республика!»⁷²

Заключённый в тюрьму Сен-Мишель, Ракари погиб в декабре 1853 г. при попытке к бегству.

Даже заклятые враги июньских повстанцев признают, что они сражались с большим мужеством, проявили огромную стойкость в бою и обнаружили замечательное искусство при сооружении баррикад. Неизданные документы следственной комиссии содержат много интересных показаний очевидцев, свидетельствующих о том, как храбро сражались восставшие парижские рабочие.

Приведём несколько характерных примеров.

Вот записка трёх депутатов Учредительного собрания — Террье, Лосседа и Жире,— написанная на улице предместья Пуассоньер в 9 часов утра; даты на ней нет, но, повидимому, она относится к 23 июня. Адресована эта записка была, как можно судить по некоторым признакам, председателю Учредительного собрания (такие записки поступали и от других депутатов, разосланных в разные пункты города). Названные депутаты с тревогой сообщали: «Предместью Пуассоньер угрожает опасность, если только сейчас же не будут присланы подкрепления,— только артиллерия может выбить инсургентов из занятых ими позиций. Кровь льётся безрезультатно. Дело срочное, срочное!»⁷³.

⁶⁹ «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. I, p. 157 (Déposition de M. Charles Frédéric Berg, 50 ans, ébéniste, demeurant à Paris, rue Saint-Antoine, 195. Du 25 juillet).

⁷⁰ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 3413. Ce 2 juillet 48. A la Commission d'enquête sur l'insurrection des 23, 24, 25, 26 juin.

⁷¹ «Procès des insurgés des 23, 24, 25 et 26 juin 1848 devant les conseils de guerre de la première division militaire». Seconde section, contenant les causes soumises au 2-e conseil de guerre, p. 56. Paris, 1848.

⁷² Там же, стр. 67.

⁷³ Archives nationales. C 934. Liasse: Assemblée nationale. 2872.

Требование прислать пушки повторяется и в других документах этих дней. И это не случайно: стойкость защитников баррикад была так велика, что подавляющее большинство баррикад было взято войсками лишь после сильного артиллерийского обстрела. «Баррикада в нижней части улицы Сен-Жак... — доносил 23 июня в 8 часов вечера полицейский комиссар Бурбонского дворца,— была разрушена восемью пушечными выстрелами»⁷⁴.

Сохранился документ, из которого явствует, что некоторые защитники «порядка», охваченные паникой ввиду огромного размаха восстания, требовали применения зажигательных ядер. «Это средство,— писали они,— каким бы отталкивающим оно ни было, возможно, окажется необходимым, чтобы нанести решительный удар, прежде чем инсургенты остальной части города поднимут голову, чему национальная гвардия не помешает из-за своей слабости и дурного состава»⁷⁵.

Характерны неизданные тревожные записки, которые мэр Парижа Арман Марраст и префект полиции Труве-Шовель посылали 23 и 24 июня пленам Исполнительной комиссии и Кавеньяку с сообщением об успехах инсургентов и с требованием присылки подкреплений.

Особенно характерна записка, написанная Маррастом утром 24 июня, в тот момент, когда, как указывал Энгельс в своём обзоре военных действий на улицах Парижа⁷⁶, инсургенты успешно продвигались вперёд, стремясь прорваться к ратуше и другим правительственным зданиям в центре города. Вот текст этой записки:

«Мэрия Парижа. Ратуша (9 часов утра).

Восьмая и девятая мэрии находятся в руках инсургентов. Стрельба всё более приближается к Ратуше. Инсургенты движутся на нас со стороны Сент-Антуанского предместья; на площади Вогезов они применили поджог.

Я щетно прошу новых подкреплений. 13 батальонов, которыми располагал генерал Дювивье, вынуждены разделиться, чтобы отразить натиск с различных сторон. Если нам не будет оказана быстрая помощь, инсургенты подвергнут нас блокаде и оставшиеся у нас войска будут парализованы»⁷⁷.

О том, какой страх внушало командованию правительственных войск знаменитое Сент-Антуанское предместье, превращённое инсургентами в сильную крепость, свидетельствует неизданная записка генерала Перро, адресованная Кавеньяку 26 июня, в 5 часов утра, то есть за несколько часов до начала атаки предместья. Приводим полный текст этого интересного документа⁷⁸.

«Площадь Бастилии 26 июня (5 часов утра).

Мой генерал.

Я возобновил сегодня утром приказ не начинать военных действий до получения вашего приказа.

У меня в настоящий момент семь пушек и одна гаубица. Необходимо, чтобы мне прислали капитана командовать батареей.

Нам может понадобиться много боеприпасов, так как преграды, которые нам предстоит преодолеть, велики. Баррикады предместья целиком состоят из булыжника, они имеют большую толщину и обнесены рвом.

Если бы мы могли получить маленькие мортиры, мы бы добились успехов с большей лёгкостью.

⁷⁴ Там же. С 933. Dossier II. 2521. Service spécial du Palais de l'Assemblée nationale. 23 juin, 8 heures. Rapport.

⁷⁵ Там же. С 934. Dossier VIII. 2987. Ministère de la Guerre. Déclaration du citoyen Bodin de Mélinville, 46, rue St. Merry, extraite d'une déclaration signée par le citoyen représentant Sibour (sans date).

⁷⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 204—205.

⁷⁷ Archives nationales. С 933. Dossier II. 2558. Mairie de Paris. Hôtel de ville (9 h. du matin). Armand Marrast.

⁷⁸ Там же. С 934. Dossier VIII. 2979. Au C-en Cavaignac à l'Assemblée n-ale.

Поскольку атаковать я буду лишь при поддержке артиллерии, я нуждаюсь в большом количестве снарядов, а мои пушки обеспечены только на 56 выстрелов. У меня орудия калибром в 8 см (два), это — слабовато.

Привет и уважение.

Бригадный генерал Перро»⁷⁹.

Примерно в это же время (в 4½ часа утра) префект полиции Труве-Шовель сообщал Кавеньяку: «Заставы Сен-Дени, Пуассоньер и Рошешуар укреплены и почти неприступны с фронта. Между заставами Сен-Дени и Пуассоньер инсургенты со вчерашнего вечера проделали в окружающей стене бойницы, через которые они ведут очень сильный огонь»⁸⁰. Префект добавлял, что «на баррикаде у заставы Пуассоньер имеется небольшая пушка, взятая в Шато-Руже»⁸¹. В другом сообщении префекта, помеченном 7½ ч. утра, читаем: «Огонь ведётся при входе в предместье Тампль; инсургенты, засевшие в домах или забравшиеся на крыши, энергично защищают свои баррикады...»⁸².

Как видно из сообщения префекта полиции Кавеньяку, датированного 26 июня, 4 ч. 55 м. вечера, в предместьях Тампль и Сен-Мартен вооружённая борьба продолжалась много часов спустя после занятия Сент-Антуанского предместья войсками правительства⁸³. Последние позиции восставших парижских рабочих были заняты только вечером 26 июня.

Июньское восстание не получило почти никакой активной поддержки извне. Всё же в некоторых промышленных городах имели место сочувственные отклики со стороны рабочих и бедноты на восстание парижских рабочих, происходили антиправительственные демонстрации и стачки. Кое-где делались попытки организовать отряды добровольцев на помощь июньским инсургентам и помешать прибытию в Париж воинских частей, вызванных правительством.

Генеральный прокурор бордоского судебного округа Тролон в докладе членам следственной комиссии от 18 июля и в докладе министру юстиции от 22 июля 1848 г. (первый из этих докладов был опубликован, второй остался неизданным) вынужден был признать, что июньское восстание парижских рабочих вызвало сочувственные отклики среди революционно настроенных рабочих Бордо. «Вечером 24 июня, — рассказывает прокурор в письме к министру, — среди многочисленного, но безобидного собрания, ожидавшего перед зданием префектуры известий из Парижа, раздалось несколько мятежных возгласов и речей. Некий Дюбоск, рабочий, крикнул: «Вперёд, рабочие, взломаем ворота!» Другой рабочий высказывался с большой резкостью против богачей, заявляя, что всё, что они имеют сверх насущно необходимого, есть кража. Его зовут Сэнже. Третий, по имени Буде, с красным колпаком на голове, кричал: «Да здравствует Красная Республика!»⁸⁴. Все трое рабочих были арестованы.

⁷⁹ Просьба генерала Перро была удовлетворена. По сообщению парижского корреспондента «Новой Рейнской газеты», из крепостей Арраса и Ла-Фер в Париж были срочно доставлены осадные орудия, мортиры, гаубицы, а также зажигательные ядра и бомбы. Всё было приготовлено для разрушительной бомбардировки Сент-Антуанского предместья, которое к этому времени было оцеплено войсками («Neue Rheinische Zeitung» от 30 июня 1848 г.).

⁸⁰ Archives nationales. С 934. Dossier VIII. 2966. Paris, 25 juin 1848. Au citoyen M-re de la Guerre.

⁸¹ По другим данным, единственная пушка, пущенная в ход июньскими инсургентами, была изготовлена ими самими (из чугуна, который они нашли в одной мастерской); из того же источника следует, что они отлили ещё две пушки, но не успели использовать их («Le Courrier français» от 3 июля 1848 г.).

⁸² Archives nationales. С 934. Dossier VIII. 2972. Au citoyen M-re de la Guerre.

⁸³ Там же. 2984. Paris, 26 juin 1848. Le Préfet de police au Chef du pouvoir exécutif.

⁸⁴ Archives nationales. BB¹⁸ 1465A, plaquette 2. Parquet de la Cour d'appel de Bordeaux, le 22 juillet 1848. В докладе, представленном следственной комиссией, этот рабочий назван не Буде, а Брюне.

К этим фактам, изложенным в докладе прокурора министру, следует добавить факты, о которых прокурор дополнительно сообщил следственной комиссии. В докладе, представленном этой комиссии, прокурор отмечал, что в дни июньского восстания революционные клубы Бордо объявили свои заседания непрерывными и установили связь с рабочими корпорациями, что только меры предосторожности, принятые военными и гражданскими властями, помешали столкновениям в городе. Прокурор добавлял, что 26 июня председатель объединённых клубов Бордо, Дакоста, обратился к их членам с воззванием, которое было проникнуто сочувствием к парижским инсургентам⁸⁵.

К сожалению, этот документ, приложенный к докладу прокурора, не сохранился. Зато сохранился другой документ, о котором прокурор упоминает в обоих докладах и текст которого он прилагает к ним. Этот документ, представляющий собой проект или копию обращения «К инсургентам Парижа», был обнаружен в портфеле, который был найден в начале июля на одной из улиц Бордо и доставлен в мэрию. «Было установлено, — добавляет прокурор в докладе министру, — что портфель принадлежит Тома Ламберу, рабочему, человеку резкому, решительному коммунисту, входящему в состав одного из самых крайних клубов Бордо». В докладе следственной комиссии тот же Ламбер назван Пьером-Шарлем (а не Тома) и охарактеризован следующим образом: «Ламбер входит в состав одного из клубов, которые мы отметили; это — человек крайне резкий, отличающийся коммунистическими и анархическими взглядами. За ним внимательно следят, и в подходящий момент у него в доме будет произведён обыск»⁸⁶.

Вот текст этого найденного в портфеле обращения, оставшийся неизданным во Франции и впервые публикуемый нами на русском языке⁸⁷:

«Братья!

С чувством восхищения и одновременно скорби следили мы за борьбой, в которую вы вступили. Наше сочувствие, как вы легко догадаетесь, было целиком на вашей стороне; мы всеми силами желали торжества нашего общего дела — социальной демократии, и велика была наша скорбь, когда мы узнали, что успех не увенчал ваших усилий.

Да, вы доблестно поддержали честь единственной партии в Европе, умеющей сражаться и умирать за свои убеждения; вы ещё увеличили эту честь гигантской битвой, которая не имеет себе равной в истории; вы явили удивлённому миру зрелище граждан, которые почти без оружия в течение пяти дней сдерживали натиск хорошо вооружённой буржуазной гвардии и более чем ста тысяч человек регулярных войск, располагавших грозной артиллерией и всеми разрушительными средствами. Перед лицом таких фактов история вынесет, разумеется, следующий приговор: позор победителям, вечная слава побеждённым.

Но наряду с энтузиазмом, которым воспламеняет нас ваше поведение, мы не можем не выразить здесь того чувства скорби, которое вызывает в нас зрелище погребального кортежа жертв реакции. Будьте уверены, братья, что все мы носим траур по ним в нашем сердце и что наш долг заключается в том, чтобы отомстить за них.

Пусть же вся кровь, пролитая за дело отечества, падёт на эту гнусную шайку предателей и роялистов, имя которой — Национальное собрание; пусть же оно будет навеки предано проклятию; пусть же имена его членов будут выставлены у позорного столба; и пусть знают патриоты,

⁸⁵ См. «Rapport de la Commission d'enquête...». Т. II, p. 150.

⁸⁶ Там же, стр. 151.

⁸⁷ На немецком языке он был опубликован в № 72 «Новой Рейнской газеты» от 11 августа 1848 года. Каким образом он стал тогда известен редакции этой знаменитой газеты, которую редактировал Маркс, нам, к сожалению, установить не удалось.

что против этих негодяев-депутатов не существует иного средства, кроме их уничтожения»⁸⁸.

Другого такого сильного и яркого, насыщенного такой революционной страстью документа, как это обращение передовых рабочих Бордо к революционным пролетариям Парижа, не существует во всей документации, которой мы располагаем не только в отношении Бордо, но и в отношении других провинциальных городов.

В свете приведённых здесь фактов ясно видно, как грубо фальсифицирует Альбер Шарль историю Бордо в 1848 г., утверждая (в своей книге на эту тему, вышедшей в 1945 г.), что июньское восстание не вызвало ни малейшего сочувствия в этом городе⁸⁹. Чтобы обосновать свой насквозь ложный вывод, этот буржуазный историк прибегает к такому приёму фальсификации, как замалчивание фактов и документов, решительно противоречащих его утверждениям.

Кровавое подавление июньского восстания, сопровождавшееся жестокой расправой с побеждёнными инсургентами, привело к резкому обострению классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, к расколу «французской нации на две нации — нацию собственников и нацию рабочих»⁹⁰.

Этот раскол ясно чувствуется в документах того времени, особенно в неизданных письмах, поступавших в Учредительное собрание или в его следственную комиссию. С одной стороны, это письма представителей имущих классов, смертельно напуганных революционной активностью пролетариата, трясущихся от страха перед перспективой нового рабочего восстания, настойчиво требующих от правительства ещё большего усиления репрессий. С другой стороны, мы находим тут письма, в которых рабочие и демократы Парижа клеймят Кавеньяка и других палачей июньского восстания, протестуют против гнусной клеветы буржуазной контрреволюции, заявляют о своей решимости продолжать борьбу, грозят мстостью победителям.

Характерно письмо (без подписи и без даты), адресованное «гражданину Сенару, председателю палаты представителей народа, который владеет собственностью»⁹¹. «Война, которая составит эпоху в нашей истории, битва тех, кто имеет собственность, против рабочих без хлеба и работы» — вот чем было, по мнению автора этого письма, июньское восстание. Он решительно протестует против эпитета «разбойники», которым буржуазные контрреволюционеры наделяли восставших рабочих. «Клянусь богом, — заявляет он, — что люди, которых вы обзывали сволочью, стоят большего, чем вы». «Я рассматриваю, — продолжает он, — эту бойню как некую Варфоломеевскую ночь и, должен признать, ещё гораздо худшую, ибо тогда имелась слепая вера, был фанатизм, но вы, господа, вся палата, знаете, что те, кого вы заставляете убивать, это — бедняки, которые четыре месяца в страшной нищете ждали, что вы обеспечите им средства существования, ибо в действительности Франция — большой стол, за которым должно найтись место для каждого трудолюбивого и честного француза...» Грозя победителям мстостью побеждённых, которая наступит, когда последние возьмут верх, автор письма заявляет: «Я имею право... сказать вам, что, убивая рабочих, вы делаетесь палачами».

Содержание и тон этого письма, несомненно, исходившего от человека из народа, показывают, как тяжело переживали простые люди

⁸⁸ Приложение к докладу генерального прокурора бордоского судебного округа Тролона от 22 июля 1848 г. (Archives nationales, BB¹⁸ 1465 A, plaq. 2).

⁸⁹ A. Charles. La Révolution de 1848 et la Seconde république à Bordeaux et dans le département de la Gironde, Bordeaux. (1945), p. 154.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 198.

⁹¹ Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 3322. Citoyen Senard. Président de la Chambre des Représentants du Peuple qui procède (орфография подлинника. — А. М.).

Франции зверскую расправу, учинённую над восставшими парижскими рабочими, какую ненависть возбуждали в сердцах трудящихся кавеньяковские палачи.

Ещё более ярко чувство гнева и жажда мести, владевшие в это время революционными рабочими Парижа, выражены в неизданном письме, адресованном 27 июня членам Учредительного собрания. Этот документ, напоминающий приведённое нами выше воззвание бордоских революционеров, заслуживает того, чтобы привести его хотя бы в выдержках.

«Вероломные уполномоченные народа,— так начинается этот волнующий документ,— вам недостаточно было того, что в течение четырёх месяцев вы пренебрегали страданиями народа, который сделал вас тем, чем вы являетесь; вам недостаточно было того, что вы добавляли оскорбления к тем грошам, которые вы пренебрежительно бросали в лицо нищете; вам оставалось ещё одно — выкупаться в море крови и подписать своими окровавленными руками декреты о расправе... Вы — подлецы, и мы предаём вас проклятию грядущих веков». Автор письма выражал глубокую уверенность в том, что придёт день, когда «разрушители храма свободы» будут лишены власти, когда они падут под ударами восставшего народа. Письмо заканчивалось грозным предупреждением: «Вы хвастаетесь тем, что уничтожили народ! Чтобы вывести вас из этого заблуждения, он будет ежедневно присылать вам протокол заседаний своего совета. Завтра, 28-го, он соберётся в 9 часов утра, чтобы решить, что поставить на место дворца, в котором вы вырабатываете ваши враждебные свободе проекты, неверные представители!» Подпись под письмом гласила: «Париж, на совете народа 27 июня 1848 г. Ж. П. С.»⁹².

Характерно и письмо за подписью Апри, датированное 5 июля и адресованное «Законодателям Национального собрания, именуемым представителями народа». Это опубликованное следственной комиссией письмо осталось неиспользованным в исторической литературе. Между тем оно хорошо характеризует чувства гнева и негодования, которые Учредительное собрание своими антинародными действиями возбуждало в сердцах всех честных демократов. Автор клеймит жестокое поведение правящих кругов: «Не умея разрешить рабочий вопрос, вы убиваете рабочего, которого сами же довели до отчаяния, вы уничтожаете его на улице посредством той силы, которую он предоставил вам, чтобы защищать его». Письмо заканчивалось предсказанием, что «революции будут происходить до тех пор, пока богатство будет уделом лишь немногих лиц». «Невежественные, надменные и бессердечные, вы хорошо послужили отечеству, вы обессмертили себя»⁹³,— иронически заключал автор письма.

Читая подобные документы, ещё раз убеждаешься в глубокой правоте Маркса, писавшего 29 июня 1848 г. в «Новой Рейнской газете»: «Парижские рабочие подавлены превосходными силами врагов своих, но не поддались им»⁹⁴.

Это сознавали и многие представители имущих классов. Именно поэтому ликование по поводу разгрома восстания сочеталось у них со страхом перед возможностью повторения июньских событий. Десятками насчитываются неизданные документы, в которых ясно чувствуется страх буржуазии перед побеждёнными, но всё ещё грозными блузниками.

Особенно характерны следующие выдержки из письма, адресованного в следственную комиссию.

«Восстание подавлено, но оно ещё полностью не обезоружено, а главное — не обескуражено,— с тревогой заявлял помощник мэра 6-го округа

⁹² Archives nationales. C 934. Dossier VIII. 3297. Aux membres de l'Assemblée nationale à lex-Palais Bourbon. Paris, au conseil du peuple le 27 juin 1848. J. P. S.

⁹³ «Rapport de la Commission d'enquête...». T. II, p. 167—168.

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 198.

Парижа в письме от 7 июля.— Каждую минуту до нас доходят тревожные слухи... Побеждённые снова начинают подчитывать свои силы, встречаться, изготовлять разрушительные средства... У них ещё имеется спрятанное оружие, порох и снаряды. Многие из их подпольных фабрик оружия обнаружены, но не все, и они сумеют создать новые... Адское общество прав человека и клуб клубов ещё держатся... Бельвилль, Менильмонтан, наши кварталы, расположенные по ту сторону канала, предместье Сент-Антуан, предместье Сен-Марсо ещё не обысканы и не очищены до основания... А главное, смотрите, не отменяйте слишком рано осадного положения... Промышленность, торговля, капитал свободно дышат под его покровительством. Пусть же оно продолжается до тех пор, пока все виновники беспорядков и мятежей не будут обречены на бессилие, пока красная республика, превратившаяся ныне в социальную республику, не будет вытеснена с её последних укрепленных позиций»⁹⁵.

Известно, с какой стойкостью держались на суде участники июньского восстания 1848 года. Не раз приводились в исторической литературе демократического направления замечательные слова одного из руководителей восстания, рабочего Эммануэля Бартелеми, смело заявившего судьям: «Я — солдат демократической и социальной республики. Делайте со мной, что хотите... Даже если бы мне грозило быть истолчённым в ступке, я и тогда бы не отказался от ответственности за свои поступки... Я так же мало дрожу здесь, как и на баррикадах»⁹⁶.

Отчёты о судебных процессах июньских инсургентов — при всей краткости и сухости большей части этих документов — содержат немало образов подобного революционного мужества и высокой классовой сознательности. Ярким примером её может служить речь инженера Эдуарда Перрея 4 декабря 1849 г., опубликованная на следующий день в «Gazette des tribunaux»⁹⁷. Перрея судили за то, что он командовал одной из баррикад в Париже в июньские дни 1848 г., а затем принимал активное участие в демонстрации 13 июня 1849 года. Характерные черты этого документа, проникнутого неподдельной революционной страстью: презрение и ненависть к социальному строю, основанному на жестоком угнетении трудящихся, попирающему все принципы морали, справедливости, человечности, твёрдое убеждение в правоте дела июньских повстанцев, глубокая вера в конечное торжество революции и демократии.

Перрей начал свою речь с заявления, что он не собирается защищаться, что он не нуждается в защите. «Я не из таких людей, убеждения которых рушатся вследствие поражения, — сказал он. — Я и сегодня верю в то, во что верил вчера. Я уверен, что моё дело свято; я могу погибнуть в борьбе, но я никогда не буду трусом. Я признаю все пункты обвинения: я горжусь им; я считаю, что оно делает мне честь; я хочу сделать из него пьедестал, на который я взойду, чтобы высоко поднять перед лицом всей страны священное знамя революции, под которым я сражался». Резко критикуя капиталистический строй, Перрей доказывал, что в нём царят анархия и хаос, всяческие злоупотребления, безграничное угнетение тружеников ради обогащения бездельников, преследование самых честных и самых преданных демократов. «Наша эпоха, — заявлял обвиняемый, — есть переходная эпоха», «старое общественное здание, сотрясаемое бурей, дрожит и трещит по всем швам... Я знаю, — говорил Перрей, — что существуют люди, которые... рассчитывают обуздать революции и положить

⁹⁵ Archives nationales. C 934. Mairies. 2893. Maire du Sixième arrondissement Paris, 7 juillet 1848.

⁹⁶ V. Marouck. Juin 1848, p. 147. Paris. 1880.

⁹⁷ «Gazette des tribunaux» от 5 декабря 1849 г., стр. 113—114.

им конец... Эти люди — безумцы. История полна примеров кровавых катастроф, которые поглотили им подобных вместе с теми, кто пытался их поддержать». В виде примера Перрей упомянул о преследованиях христиан в Римской империи.

Прерванный председателем суда обвиняемый заявил, что он следует примеру Галилея, которого судьи не смогли заставить отречься от своего убеждения, что земля вертится. Перрей не отрицал своего участия в демонстрации 13 июня 1849 г., но утверждал, что выступал не в защиту конституции, которая освящает несправедливый общественный и политический строй, а за нечто совсем иное. «Что до меня,— заявил в заключение обвиняемый,— то я сражался в июне 1848 г. против изменников демократии. Я принял участие в борьбе, так как был глубоко убеждён,— и никто здесь не может помешать мне выразить это убеждение, что республика находилась в опасности. Я вступил в борьбу, когда увидел, что революция пошла по ложному пути и грозила разбиться о те же препятствия, из-за которых погибла революция 1830 года. Я сражался, чтобы помешать подлецам и интриганам, которые довели монархию до позорного падения в грязь, захватить власть с целью ещё раз поработить этот народ, столь великий, столь благородный, столь великодушный в своей победе, народ, который терпел три месяца нищеты ради республики, который не требовал иной награды, кроме права жить работая. Я сражался, и я горжусь этим». Последние слова Перрея (после оглашения обвинительного приговора) были: «История оправдает меня».

Кошмарными были условия, в которых содержались сосланные на каторгу участники июньского восстания. Но ни кандалы, ни изнурительный труд, ни голодный паёк, ни рваная одежда, ни грязные и холодные бараки, ни издевательства, ни побои не могли сломить стойкость рабочих и демократов Парижа, мужественно переносивших все ужасы каторжной тюрьмы. Неизданная переписка судебных и жандармских властей показывает, что сыльные инсургенты оставались и в ссылке верны своим политическим идеалам, своим революционным убеждениям.

Вот как описывал поведение инсургентов, заключённых в казематы тюрьмы Белль-Иль, прокурор республики в Лориане в докладе от 27 апреля 1849 г. генеральному прокурору: «Одна из форм времяпрепровождения заключённых состоит в пении гимнов. В обычных беседах между собой они выражают свою ненависть к обществу, свою жажду мести тем, кто отправил их в ссылку... Они устроили нечто вроде форума. Ораторы смеяют друг друга на этой трибуне... Одна навязчивая идея владеет ими. Они мечтают только об одном — о торжестве своих идей... Они основали социалистическую газету с девизом: свобода, равенство, братство, солидарность. Экземпляры этой газеты они бросали через стены, чтобы караульные солдаты подбирали их и читали. Были приняты меры, чтобы помешать изданию этой газеты, но нельзя с уверенностью сказать, что она не распространяется больше внутри тюрьмы». 24 февраля, рассказывает далее прокурор, сыльные устроили банкет в честь годовщины революции; над трибуной, с которой выступило 20 ораторов, развевалось красное знамя. Когда заключённые узнали о казни инсургентов, осуждённых по делу о расстреле генерала Бреа, во дворе тюрьмы был сооружён катафалк, покрытый саваном и освещённый факелами; треста человек, окружавших катафалк, поклялись отомстить за своих товарищей⁹⁸.

В докладе министру юстиции, составленном 28 апреля, прокурор добавлял, что во главе заключённых, организовавших эту своеобразную гражданскую панпхиду, находился видный революционер Дефлотт. В том же докладе сообщалось, что заключённые пытались заступиться за одного из руководителей июньского восстания, Пюжоля, приговорённого к нака-

⁹⁸ Archives nationales. BB¹⁸ 1465A, plaquette 7. Parquet du procureur de la République de Lorient (Morbihan). Lorient, le 27 avril 1849.

занию за какой-то проступок. Чтобы предотвратить возмущение, власти вызвали батальон пехоты и зарядили пушки⁹⁹.

11—12 декабря 1849 г. в той же тюрьме группа заключённых, выведенных из себя жестокостью администрации, восстала против своих мучителей; в кровопролитной схватке один заключённый был убит, несколько других было ранено. Десять заключённых были отправлены в Лориан, где их заточили в арестный дом.

Стойко вели себя июньские бойцы и в Алжире, куда они были переведены из Белль-Иля в марте 1850 г. для отбытия 10-летней ссылки, на которую они были осуждены по закону, принятому Законодательным собранием в январе того же года. Партия в 450 человек, доставленная в город Бон, была заключена в казарму-тюрьму, где с ними обращались очень жестоко, плохо кормили и принуждали к непосильному труду.

Никакие преследования не могли сломить боевой дух участников великого пролетарского восстания, лишить их воли к жизни и борьбе, отнять у них веру в будущее. Ссылные, имевшие некоторое образование, организовали школу, где обучили грамоте 150 своих товарищей.

Интересно отметить, что в некоторых местах заключения ссылные инсургенты организовали товарищеские суды, в которых разбирались поведение недостойных людей, занимавшихся доносами на своих товарищей и старавшихся выслужиться перед администрацией; таких заключённых товарищеские суды объявляли «антидемократами» и «антисоциалистами», «врагами народного дела»¹⁰⁰.

«Я считаю своим долгом информировать вас,— писал председатель судебной палаты округа Ренн 1 января 1849 г. министру юстиции,— что инсургенты, освобождённые в Лориане и в Бресте и проезжающие за последние три дня через Ренн, чтобы отсюда отправиться в Париж, в большинстве своём ведут себя так и держат такие речи, что в этом мало утешительного для будущего. Они открыто говорят, что они не обязаны никакой благодарностью правительству Республики и что они надеются вскоре возобновить борьбу»¹⁰¹. Автор письма добавлял, что «политические единомышленники» ссылных оказывают им всяческую материальную помощь.

Сочувственно относились к ссылным инсургентам трудящиеся слои населения не только в Ренне, но и в других городах. В Нанте 16 октября 1850 г. «несколько сот социалистов», как сообщал председатель судебной палаты, устроили торжественную встречу группе участников июньского восстания, направлявшейся в тюрьму Белль-Иль. Присутствие войск не помешало этой демонстрации, участники которой пели «Марсельезу» и кричали: «Да здравствует Республика! Да здравствует демократическая и социальная Республика!» «В то же время женщины и рабочие в блузах, приготовив венки, бросали их с набережной в воду в момент прохождения судна»¹⁰².

Все эти факты, запечатлённые в пожелтевших от времени неизданных архивных документах, ясно свидетельствуют о том, что революционные пролетарии Франции видели в июньских повстанцах 1848 г. защитников правого дела, передовых борцов за освобождение трудящихся.

Свою солидарность с участниками июньского восстания выражали и революционные пролетарии других стран. Маркс, разоблачая кровавую расправу французской контрреволюции с июньскими инсургентами, писал:

⁹⁹ Там же. A Monsieur le Ministre de la Justice. Président du Conseil des ministres Paris. Lorient, le 28 avril 1849.

¹⁰⁰ «Cazette des tribunaux» от 12 марта 1849 г., стр. 477.

¹⁰¹ Archives nationales. BB¹⁸ 1465A, plaquette 1. Cour d'appel de Rennes, le 1 janvier 1849.

¹⁰² Там же, plaquette 7. Cour d'appel de Rennes, le 17 octobre 1850.

«Вокруг их грозно-мрачного чела обвить лавровый венок есть привилегия, есть право демократической печати»¹⁰³.

«Новая Рейнская газета» до конца использовала это право.

Долг историков-марксистов — вести неустанную борьбу против попыток реакционной историографии замолчать или извратить героическую борьбу защитников парижских июньских баррикад 1848 года.

Факты и документы, приведённые в данной статье, позволяют глубже понять и несколько по-новому осветить некоторые вопросы истории июньского восстания. Новые материалы, использованные в этой работе, позволяют сделать вывод, что июньское восстание парижских рабочих подготовлялось экономическим кризисом, ходом классовой борьбы, влиянием революционных социалистических идей (особенно идеи «социальной республики»). Документы, впервые пущенные в научный оборот в этой статье, подтверждают уже установившийся в советской исторической литературе вывод, что, вопреки фальсификаторским утверждениям буржуазных историков, июньское восстание имело довольно определённую социально-политическую программу и не лишено было известной организованности. Документальным материалом полностью опровергаются клеветнические вымыслы буржуазных фальсификаторов истории, пытавшихся изобразить это великое пролетарское восстание как дело рук наёмников бонапартистской клики. Конкретный материал этого исследования проливает новый свет на вопрос об изолированности рабочего класса в дни восстания, об отсутствии союза между парижским пролетариатом и «средними слоями» города и деревни. Но одновременно материал, приведённый в статье, доказывает, что, вопреки утверждениям буржуазных историков, восстание парижских рабочих вызвало сочувственные отклики со стороны революционных рабочих ряда других городов Франции. Документы, использованные в этой работе, позволяют по-новому осветить вопрос о резком обострении классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией в результате кровавого подавления июньского восстания. В значительной степени новым является материал, свидетельствующий о стойком поведении участников восстания как на суде, так и в ссылке. Что касается затронутого в статье вопроса о состоянии парижской промышленности к моменту восстания, то по этому вопросу статья не даёт окончательного решения: оно станет возможным лишь после всестороннего изучения документов об экономическом кризисе 1847—1848 гг., хранящихся во французских архивах.

Уроки событий 1848 года, подвергнутые глубокому анализу в гениальных трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, весьма поучительны и для современной Франции, трудящиеся массы которой во главе со своим боевым авангардом — коммунистической партией — ведут самоотверженную борьбу против американско-английских империалистов и их французских сообщников, за мир, за национальную независимость, за демократию и социализм. Вдохновляемый всемирно-историческими достижениями Советского Союза и выдающимися успехами стран народной демократии, французский народ всё решительнее выступает против реакционной и агрессивной политики правящих кругов, против американских оккупантов и поджигателей новой мировой войны. Он полон решимости отстаивать свободу, безопасность и независимость своей родины, внести новый вклад в дело борьбы за мир во всём мире, за светлое будущее всех народов.

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 201.